

18+

Рина Гурова

Мерцание

*По мотивам рассказов
медиумов*

Рина Гурова

Мерцание

<https://litres.ru/74401324>

ISBN 9785007110594

Аннотация

Роман «Мерцание» — это глубокое погружение в мир посмертия, где прошлое определяет настоящее каждой души. Через переживания главной героини автор исследует темы свободы воли, эмпатии и того, как мы несем груз прошлых ошибок сквозь реинкарнации.

Это история о том, как любовь к человеку из другого времени помогает увидеть истинную природу жестоких событий прошлого, а дружба рождается там, где смерть кажется концом всех связей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мерцание

Рина Гурова

Роман написан по мотивам рассказов людей, переживших клиническую смерть, и медиумов, общавшихся с душами умерших. Выражаю особую благодарность медиуму Гуровой Наталье Ивановне за консультации по вопросам устройства загробного мира.

© Рина Гурова, 2026

ISBN 978-5-0071-1059-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Утро в тот день не было похоже ни на одно другое в моей жизни. Восходящее солнце словно сопровождал какой-то высокий звук: не то пение ангелов, не то тихая, волшебная, пронизывающая всё пространство мелодия. Это утро одновременно вызывало чувство тревоги и спокойствия. Курортный город неспешно просыпался от всех приключений, пережитых им за эту ночь.

Городские пляжи с теплым песочком уже были оккупированы отдыхающими. Некоторые так и жили там в палатках весь свой отпуск. Я их нисколько не осуждаю, ведь каждый из нас выбирает тот вид отдыха, который ему по душе. Пляж, который я выбрала, был каменистым и небольшим. Там отдыхали в основном местные, вытесненные из более комфортных мест вездесущими туристами. Да, я тоже была такой туристкой, но я была готова пожертвовать комфортом ради иллюзии уединения.

Вода обнимала, казалась доброй и ласковой. Плыть было легко. Даже волны не пугали меня так, как в первые дни отпуска. Это было прекрасное, тихое утро. Было.

Чуть дальше от берега волны стали выше. Они словно играли со мной в какую-то неизвестную мне, но, наверное, веселую игру, к правилам которой я оказалась не готова. Тьма накрыла меня внезапно. Я не помню волну, скрывшую ме-

ня под водой, не помню удушья — только противное першение в горле и в носу. А дальше настала тьма. И я неслась сквозь нее. Я даже не понимала, вверх я лечу или вниз. Я чувствовала движение в абсолютном мраке. Странно, я полностью ощущала свое тело и его плотность, против бесплотного пространства тьмы вокруг меня.

Вскоре в темноте стали появляться одинокие светлые вспышки. Тьма мерцала и оживала. Вспышек становилось все больше и больше. Неожиданно картина поменялась. Это случилось так внезапно, что я было подумала, будто эта тьма мне привиделась, будто я ее придумала. Я оказалась среди прекрасного зеленого луга с опушкой из густых зарослей ив.

Я осмотрела себя: на мне было простое, но милое легкое платье оттенка облаков, с широким поясом и туфли на невысокой танкетке в тон платью. Мой взгляд привлекли руки: они стали тоньше, изящнее, а салонный маникюр исчез во все. Неужели мне только привиделось, что я изменяла форму и цвет ногтей? Но зачем?! Это же так нелепо! А что вообще было до этого луга? Какой-то город... Пермь? Кажется, Пермь... Или нет? Какая-то бессмысленная суэта, которая, кажется, была для меня важна. Глупости какие-то! Я перегрелась на солнце, которого почему-то сейчас не вижу, уснула, и мне приснился дурной сон. Наконец-то я обрела ясность и объяснение всему. Но все-таки, как я здесь оказалась? Не помню. Я просто еще не проснулась от кошмара и никак не могу вникнуть в происходящее — вот и всё.

Логика подсказывала мне, что ивы скрывают спуск к водоему, поэтому я направилась к ним. Узкая тропинка среди зарослей, действительно, вела к берегу неширокой реки, на противоположном берегу которой отчетливо виднелась грунтовая дорога.

— Девушка! — окликнул меня приятный мужской голос.

Я повернулась на звук. Звал меня молодой человек лет двадцати или двадцати пяти. Он не был писанным красавцем, но казался добрым. Его большие голубые глаза выражали растерянность, а темно-русые волосы казались немного растрепанными. Я автоматически подумала, что он местный житель. То есть житель какой-нибудь, находящейся поблизости деревеньки. Таким простым и бесхитростным он представился мне в этот момент.

— Девушка, вы тоже сейчас оказались здесь? Сюда, наверное, все приходят.

Что? Он неместный? Интересно... Тут-то я и заметила возле его ног плот.

— Меня Максим зовут. Здравствуйте! — продолжал он, не обращая внимания на мое бестактное молчание.

— Здравствуйте, Максим! Я Ульяна. Я думала вы из местных, — наконец ответила я.

— Да какой там! Смотрите, что я тут нашел! — добавил он, топнув ногой по плоту. — Я такие только в мультиках видел!

— Это плот?

— Лучше! Это паром! Видите веревку? — парень продемонстрировал канат, который держал в руке. — Тут на обеих берегах вертушки: тянешь за веревку — и плывешь к тому берегу, который тебе нужен. Поплыли на тот берег? Там хоть дорожка какая-то есть. Надо к людям выйти.

А ведь он прав! Надо найти людей: хоть какой-нибудь поселок или тех, кто поможет выбраться отсюда. Луг, конечно, красивый, но от его дикой безлюдности становится не по себе.

— Поплыли, — согласилась я. — Надеюсь, эта штука выдержит двоих. И давай на «ты»! Мы, кажется, ровесники.

Глава 2

Грунтовку с одной стороны обрамлял такой же луг, а с другой вплотную подступали кусты и деревья. Она спускалась прямо к паромной переправе, поэтому нам не составило труда выйти на нее. Проблем с выбором направления тоже не возникало — путь был один, уходивший вдаль. Мы пошли в неизвестность по дороге, которую видели впервые, но которая казалась такой знакомой и привычной.

Ни людей, ни признаков их присутствия мы не замечали, поэтому даже подскочили, когда недалеко от себя услышали громкий возмущенный мужской голос:

— Да твою ж мать! Ни закрыть ее к чертям проклятым, ни нормальный причал сделать!

— М-да... Лучше в карауле стоять было, чем на этой переправе дежурить, — вторил ему спокойный, но тоже недовольный другой мужской голос. — Там-то всё просто: задремал — тебя прибили, а тут дергают чуть что!

Диалог пугал и вызывал массу вопросов. Неужели мы попали в чью-то ловушку, а паром сделали бандиты, чтобы ловить таких простачков, как мы? Едва я подумала об этом, как нам навстречу из зарослей вывалились две фигуры. Мы с Максимом застыли. Бежать было некуда: сзади река, а эти двое совсем рядом, метрах в десяти!

— Мы что, в прошлом? — испуганно шепнул мне Мак-

сим, но ответить я не успела.

Пара мужчин выглядела необычно. Оба были молоды — лет по тридцать, никак не больше, но их одежда... У одного на голове была бескозырка, как будто взятая на прокат в историческом музее. У второго — меховая, несмотря на теплую погоду, шапка, вроде папахи, лихо заломленная на затылок. Первый был в кожаном плаще, поверх которого отчетливо виднелись ремни португалии. Этот диковинный аксессуар был и у второго, но уже поверх гимнастерки цвета хаки. У него же можно было заметить и синие брюки-галифе. Оба были в кожаных сапогах, достигающих почти до колен.

Вряд ли мы сошли бы за местных. Мое платье без рукавов, на широких бретельках, приталенное с расклешенным подолом, едва ли скрывающем колени никак не согласовалось с модой минимум столетней давности. Хотя я, кажется, где-то читала, что в то время у женщин набирала популярность прическа каре, как у меня. Но это вряд ли меня спасет. Образ Максима тоже диссонировал с идущими нам навстречу путниками. Их точно удивят голубые джинсы парня, серая футболка с какой-то бессмысленной, поблеклой белой надписью и таким же рисунком, белые кроссовки с ярко-зелеными вставками. В общем мы попали! Смутная надежда на то, что мы встретили реставраторов, испарилась, едва зародившись, — слишком реалистично выглядела эта парочка.

— Это вы с паром? — окликнул нас тот, что был в плаще. — Давайте, сюда шкандыбайте! Всё равно ж в эту сторону

идти!

— Может, честно скажем им, что мы из будущего? — робко предложила я Максиму, прежде чем исполнить приказ «шкандыбать».

— Попробуем. Будем по обстоятельствам действовать, — резонно шепнул он мне в ответ.

Робко мы двинулись вперед.

— Е-мое! Да можно быстрее! Нам же вас еще в Распределитель вести! — нервно возмутился второй.

В этих словах было что-то жуткое. Не сговариваясь, мы с Максимом развернулись и бросились бежать. Сзади нас слышался топот и эмоциональный диалог:

— Д-Прощка! Кто ж тебя просил-то?!

— Да я-то чего?!

Нас догнали быстро. Я даже удивилась, как эти двое развили такую скорость. Напугавший нас Прощка, схватил меня за локоть, а его разговорчивый товарищ таким же образом остановил Максима.

— Да чего вы так драпанули-то? Ну, Прощка может брякнуть, не подумав, но не убегать же! — выпалил мужчина в плаще, державший Максима.

— И-извините... — виновато промямлил Прощка и свободной рукой погладил усы.

Его светлые волосы почти вторили оттенку кожи, поэтому с первого взгляда я и не заметила у него на лице эту пикантную деталь.

— М-мы ни в чем не замешаны, не виноваты! — попытался объяснить Максим. — Мы вообще не отсюда.

— А кто отсюда? Здесь все «не отсюда», — с грустной и недоброй ухмылкой ответил его конвоир.

— Да вы не поняли, мы из будущего! — в отчаянии выкрикнул Максим.

Мужчины дружно засмеялись, словно услышали самую смешную шутку в мире.

— Вы не из будущего, — все так же глухо и устало, как раньше, сказал Прошка, отсмеявшись. — Вы умерли.

Глава 3

Мы не заметили у них оружия, но это еще не значит, что его не было, поэтому не рискнули сопротивляться их напору. Слова Прошки о том, что мы умерли, прошли сквозь нас, не напугав и не озадачив. Просто появилась какая-то ясность, он этим будто объяснил все происходящее вокруг.

По дороге в город мы узнали, что Прошкиного товарища в кожаном плаще зовут Мишка. Жизни обоих унесла Гражданская война, на которой они вообще были врагами. Так Мишка работал на крахмальном заводе, где увлекся марксизмом, а Прошка был пастухом, а потом — ярым левым эсэром. Подружились они уже здесь, после смерти.

— А наш атаман — вообще анархист из махновцев, — пояснил по дороге Прошка.

— Бывший буденовец из «красных»! — добавил Мишка, как будто это имело хоть какое-то значение.

— А как же бескозырка? — резонно заметил Максим. — Я думал, ты матрос.

Мишка засмеялся и поспешил объяснить в свойственной ему экспрессивной манере:

— Я выиграл ее в карты у матроса, который был вообще в драбадан! Мог просто забрать, он бы и не заметил, и меня бы не вспомнил!

Ну и нравы были тогда! Странно, почему мы встретили

этих двоих? Если мы умерли, то где ангелы или демоны, туннель, воспоминания о жизни? В конце концов, где наши родственники? Словно прочитав мои мысли, Максим спросил:

— Если мы умерли, почему мы не встретили других умерших? Почему нас не встретили родные? Почему мы встретили вас?!

— Вас же к парому забросило! — выпалил Мишка, не внося этим никакой ясности.

— Здесь несколько переправ, — подхватил его товарищ. — Все, в основном, у Лиловой горы к нам приходят. Туда и встречающие стекаются, там и условия хорошие, и идти ближе, чем отсюда. А на пароме была старая переправа. Сюда время от времени люди еще приходят, поэтому мы по очереди дежури́м на заброшенных переправах. На этот раз, вот, нам жребий выпал. Только вы переправились, нас и перекинуло к парому.

— А ваши родственники или к Лиловой горе пошли, или на другом плане живут, или вы слишком внезапно умерли, что они еще не в курсе, что вы уже пришли, — поддержал его конвоир Максима.

— Что значит «на другом плане»? — удивилась я странной фразе.

— Здесь три основных мира, — нехотя взялся он за объяснение. — Их еще «Сферами» называют. Вот каждая Сфера и делится на разные планы или уровни — то есть на миры поменьше. Души же разной степени развития бывают, поэтому

и живут на разных планах. Ну, как классы! Если бы рабочие находились только среди рабочих, крестьяне — только среди крестьян, аристократы — среди аристократов. Понимаешь? Не хочет, поди, кто-то главный здесь классовой борьбы.

— А кто здесь главный? — задумавшись о Великом Демиурге, спросила я.

— Да какая классовая борьба?! — возмутился Прошка. — Власть советов здесь: собираются души Высшей Сферы, и решают, как мы тут жить будем. Ну их всех! Еще тут о власти мы думать будем!

— Ты говорил, что левый эсер, а сам анархист?! — возмутился Мишка.

В его выкрике не было злобы — только желание подколоть товарища. Он это понял, и лишь усмехнулся на замечание.

Дорога, тем временем, с грунтовой сменилась... Не асфальтированной, а покрытой каким-то неизвестным плотным материалом, светлого оттенка. Он походил на срез щебня, но невероятно большого размера, которого хватило на то, чтобы застелить им весь путь без единого шва. Дикая природа тоже вскоре сменилась обычным городским пейзажем. Город казался местами знакомым, но в целом совершенно чужим. Архитектура была самой заурядной, как почти во всех городах России от мала до велика. Мы с Максимом, по моему, более гармонично смотрелись в здесь, в отличие от наших спутников. Однако они точно знали, куда нас вести.

«Распределитель», как его назвал Прошка, оказался двух-

этажным зданием из белого кирпича на тихой улочке. Напротив него стояли самые обычные «хрущевские» пятиэтажки, а чуть дальше — «сталинские» двухэтажки. Все такое обыденное!

Нас ввели в приемное помещение через простую деревянную дверь с густым слоем краски. Зато внутри все резко контрастировало со скучным пейзажем и заурядным экстерьером здания. Пространство казалось гораздо большим, чем могло бы вместиться в такую скромную постройку. Его можно было бы назвать «Жемчужным дворцом», если бы не вид снаружи. Белые, золотые, розовые и голубые оттенки переплетались, переливались один в другой и окутывали всё пространство: стены, пол, мебель и... Потолка не было. Стены устремлялись ввысь так далеко, что, казалось, соединяются в высоте в одну золотую точку.

Товарищи-революционеры попросили нас сесть на мягкий диван с золотыми подлокотниками, которые украшала причудливая филигрань. Сами же они подошли к офисной стойке и позвали к себе миловидную блондинку в коротком белом платье. Их разговор велся тихо, явно не для наших ушей, но по их реакциям я поняла, что возникла какая-то проблема. Не решив ее, девушка вышла из-за стойки и вместе с мужчинами подошла к нам. Она придвинула стул и села напротив нас, а Мишка и Прошка остались стоять.

— Щеглов Максим Леонидович? — спросила она, глядя в блокнот на золотом планшете.

— Да, это я, — робко промямлил он.

— Да, на вас есть разнарядка, — задумчиво произнесла она. — Только почему она отправила вас сюда? Вам бы надо выше. Но им там виднее. Разберутся. А вы откуда? — обратилась она ко мне.

Я не знала, что ей ответить. Рассказать про луг и паром? К счастью, меня спас Максим:

— Мы одновременно сюда пришли, — сказал он.

— Вы не волнуйтесь, такое иногда бывает. Все наладится, это не ваша ошибка. Просто заполните анкету.

Блондинка протянула мне золотой планшет с листком бумаги и ручку. Анкета оказалась самой простой: полное имя, дата и место рождения, возраст на момент заполнения. Привычная бюрократическая процедура меня успокоила. Показалось, что теперь-то точно ничего страшного не произойдет. Заполнив анкету, я передала ее девушке.

— Отлично! — резюмировала она, взглянув на результат. — Ульяна Игоревна, я сейчас забронирую вам номер в гостинице на имя вашего куратора, а для Максима Леонидовича уже есть жилье.

Вернувшись за стойку, она передала Прощке другой золотой планшет. Этот предмет был уже похож на электронное устройство, и я невольно вспомнила фразу Владимира Семеновича Высоцкого: «Козе — баян, попу — гармонь, икону — папуасу...».

— Вам нравится Высоцкий? — оживленно спросила де-

вушка, обратившись ко мне. — Я обожаю его! А он как раз на этом плане! Вы даже встретиться сможете! Он очень интересный мужчина!

— Люська! Я ж заревную! — шутя, одернул ее Прошка.

— Прохор Игнатьевич, вы навсегда в моем сердце! А Михаил Ефимович — в сердце Анюты! Правда? — так же шутливо ответила она и кивнула такой же симпатичной шатенке, сидящей рядом с ней.

— Вот проводите новичков по местам, мы аж захлебнемся от чувства любви к вам! — поддержала ее Анюта.

— Пошли, болезные, — хмуро позвал Мишка, которого явно угнетала атмосфера этого места, а любовь красивой Ани совершенно не прельщала.

Глава 4

Жилье Максима находилась ближе, чем гостиница. Его новый дом оказался в обычной двухподъездной панельной девятиэтажке. Неужели это и есть загробный мир? Может быть мы в Аду? Почему все такое... никакое? А еще мы не видели транспорта. Да и прохожих на улицах, можно сказать, не было. Порой где-нибудь вдалеке мелькала какая-нибудь одинокая фигура или компания людей. Та краткость, на которую они попадали в мое поле зрения, не позволяла их рассмотреть.

Дверь подъезда была деревянной, без замка. Революционеры уверенно повели нас на второй этаж. Только здесь Прошка остановился и сверился с планшетом, который все время нес в руках.

— Да, это здесь, — резюмировал он, подходя к одной из двух, находящихся на площадке друг напротив друга, дверей.

Он уверенно открыл ее, и мы прошли в небольшой тамбур, какой часто устраивают жильцы, чтобы отделить свои две квартиры от общей площадки. Только здесь мы услышали неприятный грохот. Как будто кто-то бил чем-то металлическим по бетону. Звук озадачил нас четверых. Судя по удивлению революционеров, это не было чем-то обыденным. Мы застыли, прислушиваясь. Менее чем через минуту

грохот повторился. Потом снова и еще раз, и еще. Кажется, Мишка догадался об источнике звука. Он вдруг хлопнул ладонью себя по лбу и с возгласом:

— Чешуйка! — забежал в квартиру справа от нас.

— Чешуйка, — повторил Прошка, облегченно выдохнув.

— Он вообще незлой, просто с чудиной. Ты его не обижай!

Фоном к его последней фразе звучала ругань двух мужчин из квартиры, куда ломанулся Мишка. Так же грохот, как будто уронили что-то крупное и металлическое. Вот из-за двери слышался топот сапог и шлепанье босых ног.

— Зачем он тебе вообще?! — отчетливо прозвучал Мишкин голос уже рядом с дверью. — Ты стирать что ли собрался?!

Наш революционный товарищ вышел к нам, держа в руках погнутый эмалированный таз. Я обратила внимание на его лицо. В нем не было прежней уверенности, наоборот, он был растерян. Произошедшее в квартире его одновременно и пугало, и смешило. Мишка ненадолго застыл со своей ношей в руках, не зная, что сказать. В это самое время к нам из квартиры высунулась взъерошенная голова довольно симпатичного парня. Да, его русые волосы торчали во все стороны, напряженный взгляд больших серых глаз и поджатые тонкие губы наводили на мысль о безумии, но был какой-то обаятельный трагизм в его правильных чертах лица.

— Чешуйка, это твой сосед, — нарочито спокойным и добрым голосом сказал Прошка. — Его Максимом зовут.

Подружитесь?

Чешуйка нахмурил брови, посмотрел на Максима и снова расслабил мышцы лба.

— А где она? — торопливо спросил он. — Где баба Валя?

— Какая ж она «баба Валя»? Молодая же женщина, — возмутился эсер.

— Я ее так называю. Ей девяносто два было. Она говорила, что я, как внучок. Куда ее дели? — протараторил сосед.

— Ушла «баба Валя» новую жизнь жить, — ответил Мишка.

— В Лиссабоне? Я ей про Лиссабон рассказывал. Ей всегда нравилось, что я рассказываю, — в той же торопливой манере предположил он.

— Да хоть на Луне! Это ж ее дело. Ты мне лучше объясни, зачем ты на таз с табуретки прыгал? — наконец, отставив ношу в сторону, поинтересовался революционер.

— Отдай! — потребовал Чешуйка.

— Нет. Пока не расскажешь, зачем прыгал, не отдам! Или вообще, вон, Максиму подарю, — пошутил Мишка.

Сосед шутки не оценил и одарил моего спутника настолько злым взглядом, что последний поспешил оправдаться:

— Не нужен мне таз!

Выражение лица Чешуйки говорило, что Максиму он не поверил. Возможно, поэтому он решил объяснить причину своих действий:

— Он погнулся. Я выправлял.

— Таким образом? Ты охренел?! — не выдержал Прошка. — На кой тебе вообще таз? Я все твоей сестре расскажу! Если она опять не согласится отправить тебя на восстановление — я это сделаю сам! Где такое видано?! Взрослый мужик себя Чешуйкой называет и на таз прыгает! Самому-то не стыдно?!

— Тихо, тихо! — осек его товарищ. — Чешуйке просто нравилось так прыгать. Он больше не будет! Правда? Я ему даже таз верну.

— Не буду, — промямлил парень, а Мишка сдержал обещание и вернул душевнобольному его игрушку.

— Вот, молодец! — продолжил революционер. — А теперь иди к себе, нам надо твоего соседа заселить.

Чешуйка покорно скрылся за дверь своей квартиры, не забыв прихватить и таз.

— М-да... Такой, вот, у тебя сосед, Максим, — выдохнул Мишка. — Ты с ним не спорь ни о чем и не зли его. Он вообще неглупый парень, но больной. Когда болеет душа, болезнь со смертью может и не пройти.

Квартира Максима оказалась уютной, двухкомнатной, типовой. Обстановка не давала повода предположить, что тут раньше жила какая-то моложавая бабушка девяносто двух лет. Ситуацию пояснил Прошка:

— Здесь все так, как ты представлял при жизни. Может, конечно, не все идеально, но мы же на низком плане находимся. Лучшего ты не заслужил пока. В любом случае кура-

тор все лучше объяснит.

— Прохор, — обратился к нему Максим, — а мне обязательно жить рядом с таким соседом?

— Слушай, тут же условия нормальные, а Чешуйка тоже не так плох, как кажется. У тебя в справке написано, что ты кого-то убил. Поэтому и... — он нервно вздохнул и добавил, — такой сосед.

— Кого я убил?

Максим выглядел испуганным и озадаченным. Он явно не ожидал такого обвинения.

— Я никого не убивал! Зачем меня с психом селить?! — закричал парень.

— Вот, куратор придет, и ты ей все расскажешь! — уверенно заявил Прошка, пока его приятель изучал квартиру. — Я и сам бы рад его на восстановление отправить, но он не хочет, она не хочет. А мне как тут быть?

— Максим, потерпи! — поддержал товарища Мишка, заглянувший в зал из коридора. — Сейчас тебя сон срубит, а проспишься — и куратор придет. Мы в ближайшее время тоже тут будем, если что, поможем, чем сможем.

— Я не усну! Тут даже замков нет! Как я буду спать, когда этот псих рядом?! Я не убивал никого! Что хотите делайте, я тут не останусь! Где этот ваш куратор?! Я ей все выскажу! Вы можете дать мне нормальное жилье?!

Прошка тяжело вздохнул. Похоже, он очень сочувствовал Максиму, но помочь ничем не мог. Он ненадолго задумался

и предложил решение:

— Пошли с нами. Мы с Мишкой в той же гостинице оставились. Поспишь у меня в номере, а там и куратор придет.

— Эх, добрый самаритянин! — донеслось из коридора с осуждением.

Мишка был недоволен. Он, похоже, больше ценил правила и законы, установленные в обществе. Если кто-то решил поселить Максима здесь — значит оспаривать это решение они не имеют права.

Происходящее меня пугало. Я не знаю, как я сама бы реагировала, если бы меня поселили рядом с сумасшедшим. С другой стороны, меня еще больше пугало, что я и представить не могла, какая гостиница меня ждет.

Глава 5

Девятиэтажка уже осталась позади, а Максим все никак не мог успокоиться. Я его понимала. В Чешуйке как будто было очень много злобы, скрытой за детской непосредственностью, а самоконтроля не было вовсе. Такой зарубит тебя в фарш и будет окровавленный, с топором в руке стоять среди этого inferнального ужаса, невинно улыбаясь! То, как с ним говорили наши революционные товарищи, подтверждало мою мысль о том, что они и сами не знали, чего от этого парня можно ожидать. Может быть, он неопасен. Для них неопасен!

Заявление о том, что Максим кого-то убил, меня сначала шокировало. Однако потом я заняла его сторону. Парень никак не походил на убийцу! Уж точно не этим двум головорезам, Мишке и Прошке, его в этом обвинять. У них-то, без сомнения, невинных жертв во много раз больше, чем у каких-нибудь маньяков.

Пусть в этом разбирается куратор. Все ей выскажу! Ей? Куратор женщина?

— А почему вы называете ее «куратором»? — обратилась я к нашим провожатым, чем прервала их долгий спор с Максимом.

— А как ее называть? Ну, пусть будет «товарищ куратор». Я иногда к ней так обращаюсь официально, — пожав плеча-

ми, ответил Мишка.

— Ее надо называть «кураторка», она же женщина! — объяснила я.

— Куропаткой? — засмеявшись, переспросил Прошка. — «Товарищ куропатка» — умора!

— Вам просто неприятна мысль о том, что женщина может занимать какую-то важную должность! — предчувствуя свой триумф, заявила я.

— Так вот чего тебя сюда забросило! — к чему-то произнес Мишка. — «Товарищ куропатка» — это надо будет ей сказать. Главное, чтоб Клим Савельевич не услышал.

— Это правда, — поддержал его приятель. — Клим, если услышит, то сразу, по привычке, шашкой разрубить попытается! Максим, отвлекись от Чешуйки, скажи, зачем куратора так обзывать? Это мода какая-то?

Максим пожал плечами. Он не хотел терять во мне союзника, но, похоже, не был сторонником моих взглядов. Я и не рассчитывала на его поддержку, ведь он тоже мужчина, как и наши провожатые.

— Я не знаю, — честно признался парень. — Может, мода или еще какое веяние среди феминисток. Я никогда не старался в это вникать. Пусть встретятся, а там решат, как друг друга называть.

— С кем встретятся, с товарищем куропаткой? — снова засмеялся Прошка.

— Ага! — неожиданно поддержал его Максим, который,

оказывается, совершенно не был на моей стороне.

Вот и живи теперь с психом по соседству! Будет он тебя убивать — слова никому не скажу! Я замкнулась в себе. Спорить с ними, при их численном превосходстве, бессмысленно.

До самой гостиницы я молчала, а эти трое все продолжали свои разговоры о куропатках и о Чешуйке. Из их бессмысленного трепа я узнала и кое-что интересное. Так, например, замков и запоров тут нет нигде. Чтобы к тебе в дом никто не вошел, нужно просто представить, что дверь заперта, или, что входа нет вовсе. Еще здесь нет денег, как валюты. Чтобы получить желаемое, какой-нибудь продукт или товар, его надо детально представить. Эксклюзивную вещь можно и купить, если искренне пожелать добра продавцу, тем самым передав ему немного своей энергии. Ко всему такому нам, как новичкам надо еще привыкнуть, поэтому вводить нас в курс дела будет кураторка.

Здание гостиницы ярко выделялось на фоне скучного пейзажа города. Оно было большим, с такой замысловатой и плавной архитектурой, какая могла зародиться у поклонника Гауди или даже у архитектора-сюрреалиста. Оно казалось живым существом, лишь на мгновение застывшим и окаменевшим. На бульвар из лобби выходили большие окна плавной, неправильной формы.

Мы вошли через малозаметную арочную дверь внутрь. У входа находилась стойка ресепшена. Пока революционеры

буднично остановились у нее и завязали разговор с девушкой, стоящей там, мы с Максимом осматривали пространство. Лобби было светлым, с большим количеством плетущейся зелени, которая обвивала редкие колонны и оконные рамы. Стены были почти белыми, оттенка светлого бетона. На полу был паркет с простым узором «елочкой». Он блестел покрытый безупречным лаковым покрытием.

Тут присутствовали и люди. На диванчике и двух креслах вела увлеченную беседу компания из четырех девушек. Они были примерно одного возраста — лет двадцати пяти. Компания выглядела необычной. Две девушки из них были одеты по моде пятидесятых годов XX века, но без картинного кича стиля Pin up. Они выглядели скромно и элегантно в своих шляпках и ажурных перчатках. Еще одна девушка ярко контрастировала со своими собеседницами тем, что носила «кричащее» платье мини и босоножки на платформе и высоком каблуке. Ее длинные, прямые каштановые волосы были начесаны на затылке для придания им заметного объема, также у нее была лимонно-желтая повязка или ободок в тон платью. Она была похожа на модницу конца шестидесятых или начала семидесятых годов. Но самой странной казалась четвертая девушка. Меня поразили ее густо украшенная цветами из лент ткани, зеленоватая шляпка, ее каштановые волосы того же оттенка, что и у собеседницы, которые были закручены в тяжелые кудри. Судя по идеальной осанке, ее торс стягивал корсет. Одета она была нежно-зеле-

ное платье с обилием декоративных элементов: рюши, кружева. Длинный подол почти скрывал коричневые ботиночки на невысоком каблучке. Эта дама органичнее бы смотрелась, например, среди пассажиров «Титаника», чем рядом с модницей в стиле Disco.

Вот к лифту подошел молодой мужчина в турецком свитере, какие были популярны в начале девяностых годов, мешковатых джинсах с заглаженными стрелками и черных туфлях. Здесь все такие модники! Такие все разные... но все молодые. Я только что заметила это. Здесь нет зрелых, старых, нет детей — все от двадцати до тридцати лет.

— Ульяна Батьковна, идем я провожу тебя до номера, а добряк Прошка проводит Максима к себе, — подойдя, сказал мне Мишка.

— Я Игоревна, — поправила я, особо не вникая в то, что он сказал.

— Запоматывал, — констатировал он. — Пошли?

— Михаил, а почему здесь все одного возраста, все молодые?

— Это просто! Никто не хочет представлять себя старым и немощным. Человек в сознании обычно сохраняет себя молодым, здоровым и красивым. Единицы выбирают себе какой-либо возраст старше тридцати. Здесь все подчинено сознанию, все, что ты видишь, создано чьим-то сознанием, — охотно объяснил он.

— А почему на улице было так мало людей?

— Потому что у тебя слишком много вопросов, — усмехнулся Мишка. — Спросишь об этом товарища куропатку. Идем же!

Взяв под локоть, он повел меня к лифту. Тот выглядел дорого, красиво, современно. В нем не чувствовалось движения, не слышалось шумов. Спустя менее, чем тридцать секунд, он отворил перед нами двери.

Глава 6

Судя по тому, что мой номер был 503, мы находились на пятом этаже. Коридор выглядел скромно и строго, по сравнению с тем шиком, каким встретило нас лобби. Интерьер комнаты был тоже сдержанным, без лишних деталей: кровать, диванчик, письменный стол с удобным стулом, шкаф. Не было даже телевизора и малейшего намека на минибар.

— Во-от, — протянул Мишка. — Как по мне, так условия царские!

— Да не очень, — призналась я.

— Избалованная девчонка! Ты спать ложись, а не придирайся, как царишна какая! Кровать есть — что еще надо?! — возмутился он.

— Да что вы пристали со своим «спать»?! Не хочу я!

— Глупенькая! Переход сюда сил отнимает ужас сколько! Ты пока спать не хочешь, а ляжешь — тебя вырубят на раз. Уж поверь мне, старому большевику!

Это было самое странное предложение, кому-то поверить. Я даже улыбнулась, когда он такое сказал.

— А сколько тебе лет было, когда... ну... тебя того?

— Двадцать один, — уверенно ответил он. — А Прошке — двадцать семь. Его наши зарубили, а я от «белых» пулю поймал, — Мишка тяжело вздохнул, вспоминая свое прошлое. — На кой мы жили? А ведь и в нас какой-то смысл был.

Он моложе меня? Я была уверена, что он старше лет на пять. А так, ему ли себя старым называть?

— Мне двадцать четыре, — призналась я, чтобы закрыть эту печальную тему.

— Приятных снов, Уля! — впервые с доброй улыбкой обратился ко мне парень и вышел, прикрыв за собой дверь.

Я не верила, что смогу быстро уснуть. Усталости, как таковой, я не ощущала. В номере было совершенно нечем заняться, поэтому я последовала Мишкиному совету и легла на кровать. Он был прав, усталость мягкой тяжестью навалилась на меня, и я погрузилась в сон или какое-то забытие. Я сохраняла способность думать, оценивать сцены из прожитой мной жизни, которые всплывали из самых недр памяти. Я не была плохим человеком — обычным. Где-то стоило бы поступить иначе, чем я поступала, или сказать то, что я умолчала. Если бы можно было что-то изменить, я бы изменила. Но мой путь уже пройден, и к прошлому возврата нет. Осознание этого рождало грусть. А еще во мне укреплялась мысль, что я попала не в чужой, враждебный мир, а в свой настоящий родной дом. Я понимала, что не захочу возвращаться отсюда обратно, по крайней мере, в ближайшее время.

Я открыла глаза за пару секунд до того, как в дверь постучали.

— Ульяна! — позвал из коридора Прошкин голос.

— Входи, не заперто, — пригласила я и села на кровати.

Мужчина вошел, робко сменяя в руках свою папаху.

— Ульяна Игоревна...

— Давай просто по имени, без отчества, ты же старше меня, — предложила я, потирая глаза.

— Д-почитай на сто с лишком лет, — скромно усмехнулся он. — Там ваша товарищ куропаточка пришла, пошли вниз.

Они теперь достанут меня с этой «товарищем куропаткой»! Я встала и посмотрелась в зеркало, висевшее рядом с диваном. А я очень похорошела! Как-то заметно постройнела, ушла вечная усталость с лица, а мои темные, почти черные волосы теперь блестели, будто я сделала их ламинирование в салоне. Мне нечего в себе было поправлять — я выглядела идеально!

— Пойдем! — сообщила я визитеру о своей готовности к встрече с «куропаткой».

Меня не удивило бы, если бы коридор, лифт и лобби как-то видоизменились за время, пока я их не видела, но они остались прежними. Значит, происходящее не сон, а реальность, которая стала мне ближе и понятнее, но все еще требовала приспособления к себе.

Из лобби мы прошли в просторную переговорную, где нас ждала, сидя на диване, интересная девушка. Она была симпатичной с длинными русыми волосами, которые спускались ниже ее пояса. От волос будто исходило легкое золотое свечение. Мягким белым светом сияла и ее бледная кожа. На девушке была черная обтягивающая блузка с рукавом в 3/4,

короткая черная расклешенная юбка, темные колготы или чулки и черные изящные сапожки. Так уже не часто одеваются, но в 2010-х годах это был самый шик! По крайней мере, тогда она притянула бы к своему образу множество восхищенных взглядов. На вид незнакомке было не больше двадцати.

Прошка подвел меня к ней и сообщил:

— Астра, вот та девушка, о которой нет сведений.

— Здравствуй. Присаживайся! — уверенным и равнодушным голосом велела она мне и указала на кресло напротив. — Прохор, дорогой, что ты о ней скажешь? — с высокомерной холодностью продолжила девушка, когда я села.

— Да ничего, Астрочка. Странноватая, как и все здесь. Чешуйка ее и ее спутника напугал, но она молодцом держалась.

— У Чешуйки новый сосед?

— Его сейчас Мишка приведет.

— Хорошо, можешь расслабиться. А я пока с ней поговорю, — дежурно улыбнувшись ему, сказала девушка и переключила внимание на меня. — Ульяна, я твой куратор. Меня зовут Астра-Вега. Я разберусь, почему о тебе не поступило никаких сведений. Ты не волнуйся. Все время, пока я буду разбираться ты можешь оставаться в этой гостинице.

— Только кураторка, а не куратор, — поправила я ее.

— Куропатка, — не удержался от реплики Прошка, сидевший на диване возле стены.

— Куропатка? — переспросила Астра-Вега и засмеялась.
— Это зачет! Ульяна, пожалуйста, не называй меня кураторской — это унинительно!

— Но почему?! Почему ты боишься называть себя словом, которое подчеркивает, что ты женщина?! — возмутилась я безграмотности собеседницы.

Астра эмоционально вздохнула и обратилась к Прошке:

— А ты говорил, что люди могут ошибочно на низкий уровень попасть!

— После того, как она тебя какой-то куропаткой называть стала, я беру свои слова обратно.

— Не куропаткой, а кураторкой! — возмутилась я. — Мы имеем право, чтобы наши профессии отражали наш пол! Общество и так слишком дискриминирует женщин. Надо, чтобы все сразу понимали, что женщина может занимать важные позиции в профессиональной и социальной сфере.

— Мой брат, — спокойно произнесла она, после моей яркой речи, — был убедительнее, когда решил называть себя Чешуйкой. К сожалению, ты говоришь о вещах, которые нельзя объяснить параноидальной шизофренией, как в его случае.

— Но!..

— Молчи! — зло приказала она мне на попытку возразить. — Мы стремились к стиранию гендерных различий, к нивелированию гендерных стереотипов, к равенству прав и свобод, а вы что творите?! Ты не понимаешь, что любая се-

парация в однородном социуме создает повод для дискриминации и создания устойчивых стереотипов? Слова «Разделяй и властвуй!» для тебя пустой звук? Не лучше ли сплотить человечество?

— Это мизогинное мнение, — только и смогла вымолвить я. — В трудной ситуации женщине важно понимать, что она не просто какой-то специалист, а специалистка.

— Не студент, а студентка? — с горечью усмехнулась она.

В переговорную вошли Мишка и Максим, но, видя наш жаркий спор, тихо заняли места: Мишка рядом с Прошкой, а Максим рядом со мной.

— Именно! — не обращая на них внимания, выпалила я.

— Когда я оказалась в рабстве у одного извращенца, мне вообще плевать было, кто я и что, и какого пола. Студентом меня назови или студенткой — я была куском мяса, который просто ждал, когда его выбросят и перестанут мучить.

— Твой опыт, конечно, печальный, но...

— Но неплохо бы научиться уважать мнение других людей. Я не прошу разделять мои взгляды, но можно же просто прислушаться? Нет? Считаю меня самой мизогинной феминисткой, но не называй меня кураторкой! Иначе, следующую жизнь ты проживешь немой, чтобы отвыкла болтать глупости!

И какой смысл с ней спорить? Она умнее, чем я ожидала, у нее свое, отличное от моего мнение, которое она не предаст ни за что. Еще она наделена властью надо мной. Без-

границной властью. Мужчины, находящиеся здесь, конечно, поддержат ее. Она их героиня и идол! А я лишь незнакомка, о которой у них не нашлось сведений

— Если феминистки ссорятся — лучше не лезть! — выдал Мишка, воспользовавшись паузой. — Как ни крути, а виноваты окажемся мы.

Судя по всему, ему удалось разрядить обстановку своим замечанием, потому что Астри искренне усмехнулась.

— Миш, мы не ссоримся, — обратилась она к нему. — Мы придерживаемся разных взглядов, а я лишь хотела донести до Ульяны, что догматизм — это путь в никуда. Что прежде, чем принимать любую концепцию, ее надо пропустить через фильтр сознания. В споре рождается истина, поэтому важно слышать своего оппонента... или оппонентку, если это принципиально важно.

— Ты, правда, заставишь ее родиться немой? — с тревогой спросил он.

— Ну, только если очень сильно меня разозлит... Но вообще, я думаю, она сможет жить в обществе, где нет лексического разделения по родам. Ей надо учиться слушать людей, развивать эмпатию. Скорее всего ее, из-за этого сюда и притянуло.

— Астрочка, милая, реши теперь вопрос с пареньком, — сказал Мишка, протянув ей золотой планшет.

Я впервые заметила обе его стороны — у него не было экрана! Это была просто золотая пластина, отполированная

как зеркало. Астра, которую я уже ненавидела за ее отсталые взгляды, взяла планшет и внимательно уставилась в отражающую поверхность. Максим нервно ожидал ее вердикта. Изучив что-то мне неведомое там, она спросила:

— А в чем вопрос?

— Он утверждает, что никого не убивал, и не хочет жить по соседству с Чешуйкой. Его Прошка в свой номер забирал, чтоб тот продрыхся. Он даже оставаться в квартире не захотел.

— А чем ему Чешуйка не угодил?

— Девушка, — вмешался в разговор Максим, постепенно переходя на крик, — этот ваш Чешуйка — псих из психов! Что мне делать рядом с ним?! Я не убивал никого! Давайте, решайте, как меня переселить! Я там не останусь!

— Не оставайся, — спокойно произнесла Астра. — Здесь много парков и лавочек — можешь жить на улице.

— Вы издеваетесь?! Я не буду жить на улице и не буду жить с этим ненормальным!

В сиянии, исходящем от Астры-Веги, появились мелкие вспышки. Оно постепенно становилось все мерцающим. Девушка теперь казалась окруженной мерцающими артефактами, как на фотографии низкого разрешения.

— Этот ненормальный — мой брат, — строго сказала она.

— А мне что с того?! Может у вас вся семейка такая! Вот и живите все вместе, а мне дайте нормальное жилье!

— Ты получил то, что заслужил.

— Я не убивал никого!!! — закричал он.

В этот момент мерцание стало сильнее, но Максим не обращал на него внимания. До моего слуха донеслись тяжелые, уверенные шаги.

— А ты вспомни. Не снилось ли чего? — так же спокойно продолжила она.

— Какой сон?! Тут так собаки выли, что о каком сне речь?!

— Собаки? — удивился Прошка, который до этого смиренно молчал. Одновременно с его словами дверь отворилась, и на пороге появился еще один мужчина. — Клим Савелич? Здравствуй! — робко поприветствовал вошедшего наш товарищ.

— Здравствуй, Клим! — вскочив с места, произнес Мишка и даже немного поклонился ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.